

УДК 008:371.5

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УЧИТЕЛЕЙ И ГИМНАЗИСТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГИМНАЗИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Грива О. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ogriva@yandex.ru

В статье дана характеристика особенностей культуры взаимоотношений учителей и учащихся в истории отечественной гимназии в XIX – начале XX в. Автором проанализированы литературные и архивные источники, раскрывающие сущность и характер отношений субъектов образовательного процесса на примере московских, Санкт-Петербургских, Киевских, Харьковских, Одесских и Симферопольских гимназий. Основное внимание в статье уделено анализу формально-уставной стороны взаимоотношений учителей и гимназистов, а также прослежена динамика изменений их характера от времени появления Первого Устава гимназий 1804 г. до революционных событий начала XX в. Интерес автора к проблеме взаимоотношений в дооктябрьской гимназии продиктован наличием ряда нерешенных вопросов этического свойства в ныне существующих общеобразовательных заведениях, в том числе и такого, как культура взаимоотношений учителей и учащихся. Автор приходит к заключению, что российская дореволюционная гимназия была не только «школой муштры и зубрежки», как чаще всего она представлялась в научной и художественной литературе предшествующих периодов, но и учебным заведением, в котором находилось место гуманному отношению к ребенку.

Ключевые слова: культура взаимоотношений, учитель, учащийся, история отечественной гимназии, Министерство народного просвещения.

Система взаимоотношений «учитель – ученик» в значительной степени определяет все внутришкольные отношения и, являясь важным фактором воспитательной работы, влияет на процесс становления личности школьника. Данная система характеризуется тем показателем, который можно обозначить как «культура взаимоотношений учащихся и учащихся». Этот вопрос становится все более злободневным для современного образования. Такие факторы, как тотальная информатизация, почти постоянное присутствие ребенка в интернет-пространстве, ускорение процессов освоения информации, не упрощают, а, возможно, и усложняют эту проблему отношений субъектов образовательного процесса. Поэтому обращение к истории вопроса в отечественной школе, с нашей точки зрения, является актуальным.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей культуры взаимоотношений учителей и учащихся в истории отечественной гимназии в XIX – начале XX в. Для ее достижения потребовалось решить следующие задачи:

Проанализировать формально-уставную сторону взаимных отношений учителей и гимназистов как основного показателя в характеристике системы «учитель – ученик».

Проследить динамику изменений характера взаимоотношений субъектов образовательного процесса от Первого Устава гимназий 1804 г. до революционных событий XX в.

В последние годы возрос интерес к проблемам отечественной гимназии как основной общеобразовательной школы. Об этом свидетельствуют публикации А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной, В. В. Перцева, А. А. Шеляговой и других [1; 2; 3]. Отметим, что в дооктябрьской, в советской и постсоветской педагогике исследованию культуры взаимоотношений учащихся и учащихся в гимназиях не уделялось должного внимания. В педагогической литературе советского периода традиционная точка зрения на эту проблему была явно негативной. Считалось, что отношения учителя и ученика в отечественной гимназии почти всегда носили враждебный характер.

Объективное рассмотрение проблемы невозможно осуществить без анализа формально-уставной стороны взаимоотношений, как основного признака в характеристике системы «учитель – ученик» [4, с. 56]. Формально-уставными считаем те взаимоотношения педагогов и воспитанников, которые предопределены официальными положениями и уставами. Это естественно, так как гимназия из всех видов школы была типовым казенным учебным заведением, зависимым от государства, а значит, и от его требований, выражаемых в уставах, инструкциях и других официальных документах.

Формально-уставные отношения в гимназии определялись прежде всего ее целью. Первым Уставом гимназий и прогимназий 1804 г. перед ней была поставлена задача – давать своим воспитанникам сведения, «необходимые для благовоспитанного человека» [5]. Этот устав был более прогрессивным, чем последующие. В соответствии с предъявляемыми им требованиями, регламентирующими отношения между учителем и учеником, учитель должен был быть терпеливым и стараться полагаться больше на свою прилежность, чем на чрезмерный труд учеников (Устав 1804 г., § 40). При наставлении учащихся учитель должен был «стараться более об образовании и изощрении рассудка их, нежели о наполнении памяти, не теряя из виду главного предмета юношеского наставления, состоящего в том, чтобы приучить детей к трудолюбию, возбудить в них охоту и привязанность к наукам» (там же, § 41).

В обращении с учеником педагогу предписывалось быть мягким и выдержанным. А для этого, как указывали составители, «первою заботою учителя должно быть то, чтобы хорошо вызнать свойства и нравы детей, дабы можно было лучше управлять ими» (там же, § 42).

Приведенные выдержки из главы об обязанностях учителей говорят о гуманном подходе к воспитанию и обучению по первому Уставу гимназий, о стремлении гармонично сочетать образование и воспитание.

В дальнейшем цели гимназии формулировались во все более воспитательном направлении. Уже не только знаниями должно было обладать выпускнику гимназии, но и высокой нравственностью. К началу 50-х гг. позапрошлого века укрепилось мнение, что назначение гимназии заключается в том, «чтобы из питомцев своих сделать людей» – «гимназия научает различным знаниям не потому, что они могут когда-нибудь принести выгоду в реальной жизни, нет – она пользуется ими только как средствами для достижения внутреннего образования» [6, с. 186].

Эпоха 60-х годов XIX в. активизировала озабоченность вопросами воспитания, культуры поведения, проблемами гуманизации отношений педагогов и воспитанников, что было закреплено Уставом гимназии 1864 г. [7]. Однако при этом в Уставе и официальных циркулярах не было статей, жестко регламентирующих характер взаимоотношений учителей и гимназистов. В разделе «Учащиеся» указывалось, что правила о взысканиях и поощрениях учащихся составляются местными педагогическими советами, в том числе и высшая мера наказания – исключение из гимназии – могла быть предпринята только по решению педагогического совета.

Со временем, хотя требование достижения высокой образованности для гимназиста оставалось неизменным, главной задачей гимназии было названо воспитание в духе православия, самодержавия и народности. «Школы должны служить не одному только умственному и научному образованию, но и религиозно-нравственному воспитанию, и физическому», – делал вывод представитель официальной педагогики И. П. Корнилов [8, с. 267].

Во второй половине XIX в. в гимназическом образовании все больше нарастали охранительные тенденции, выразившиеся в повышенной заботе администрации о воспитании гимназистов в монархическом духе. Этот процесс был реакцией на усиление в стране революционных настроений и событий. Он хорошо прослеживается по потоку документации, поступавшей в гимназии после того или иного политического происшествия, как-то: покушение на Александра II, волнения в Польше 1864 г., убийство царя в 1881 г., школьные волнения 1905 г. Архивы петербургских, московских, киевских, одесских, харьковских, симферопольских гимназий хранят документы, подтверждающие этот факт [9, л. 1–2, 4–5, 10; 7, л. 31, 35; 11, л. 1 и т. д.].

В связи с изменениями общественной атмосферы цели и задачи гимназии смещались от собственно педагогических к политическим, и наоборот. При этом можем констатировать попытки достижения политических целей путем изменения состава учебных предметов. Так, дискуссионным стал вопрос о благотворном или вредоносном влиянии на благонадежность гимназистов классических языков или же естественных наук. Разумеется, в общем во второй половине XIX – начале XX в. основной задачей гимназии было дать своим воспитанникам общее образование. Ценность именно общего образования, а не специального была окончательно

признана в официальной педагогике уже в 60-х годах. Но при этом шла постоянная борьба вокруг вопроса о комплексе общеобразовательных дисциплин. В частности, что считать лучшими средствами для достижения цели: науки классические, гуманитарные – или реальные, естественные.

В основу Устава гимназии 1884 г. легла мысль о том, что гимназии имеют своей целью общее образование. Гимназии были поделены на классические и реальные. Министр А. В. Головнин предложил деньги, отпускаемые Министерству народного просвещения, поделить поровну между ними. Но классические гимназии находились в более привилегированном положении. Так, в университет допускались только их выпускники, хотя и реальному образованию было дано право на жизнь. После покушения на Александра II в 1866 г. А. В. Головнин был отстранен от должности и на его место назначен Д. А. Толстой, который считал, что «вопрос между древними языками и всякими другими способами обучения есть вопрос между православным и материалистическим направлением обучения и воспитания» и «надлежащее понимание уходит из-под учительского контроля, почему здесь и возможно, с одной стороны, развитие крайнего самомнения, а с другой – образование самых превратных воззрений» [12, л. 2].

Это мнение исходило из высших государственных сфер России, поэтому стало в системе образования приоритетным.

Д. А. Толстой в 1871–1872 гг. спешно провел реформу, возродившую победные позиции классицизма. С этого момента в обществе еще больше разгорелся протест против классической системы обучения.

Этот вопрос, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к проблеме взаимоотношений педагогов и воспитанников гимназии, но нельзя забывать, что история с классическими языками является тем фоном, на котором разворачивались определенные события в гимназиях второй половины XIX – начала XX в. Недовольство общества классической системой образования было столь сильным и явным, что его считали одной из основных причин гимназических волнений 1905–1906 и обострения отношений между педагогами и гимназистами [13, с. 61]. Изучение древнегреческого языка и латыни многими воспринималось как средство ухода от насущных проблем современности, как одурманивание юных умов бессмысленной зубрежкой. Рассказ А. П. Чехова «Человек в футляре» ярко выразил отвращение к мертвечине казенных порядков, которые бдительно охранял латинист Беликов. Еще более мрачную картину представил Ф. К. Сологуб в романе «Мелкий бес».

Однако классическая гимназия имела и свои сильные стороны: она прививала любовь к истокам европейской культуры, расширяла гуманистический и гуманитарный кругозор. Неслучайно В. В. Розанов так озабоченно писал в начале века о гимназистах: «Почему не Вергилий, не Тацит и даже не какая-нибудь из новых хороших книг влечет их и убеждает, но плохой газетный листок и самая обыкновенная страница журнала?» [14, с. 11]. И нельзя забывать, что необычайный расцвет искусства, который теперь получил название Серебряного века, своими корнями, несомненно, уходил в эту плодородную почву классического образования.

Поэтому наше обращение к данному вопросу закономерно: ведь и в постсоветскую эпоху, в 90-е годы уже XX века, возрождение гимназии началось именно с введения в школах-гимназиях классических языков. Необходимо сознавать, с какой целью вводились классические языки в современных гимназиях, зачем наша школа вновь обратилась к Вергилию и Тациту. Для того ли, чтобы научить детей писать и говорить на давно уже умерших языках? Не это главное, они были необходимы для создания базы общего образования, решающую роль в котором играют предметы гуманитарного цикла.

В 1871 г. был принят новый школьный устав. В нем само собой подразумевалось, что вопросы взаимоотношений педагогов и учащихся гимназий выстраиваются все на той же традиционной для России базе – «православие, самодержавие и народность». В русле этого Устава в 1872 г. были разработаны и изданы новые учебные планы и программы для гимназий. По установленному Министерством обычаю на должности директоров, инспекторов гимназий и классных наставников назначались преимущественно преподаватели древних языков. Тогда же, в 1872 г., были изданы очень подробные правила, регламентирующие поведение учащихся в школе и вне школы, порядок надзора за ними, обязанности классных наставников и т. д.

В истории отечественной гимназии с момента реформ начала 70-х гг. XIX в. можно проследить два противоположных пути. Первый можно назвать именем Министра просвещения Д. Л. Толстого – это путь формальной строгости, сурового, неуклонного утверждения принципов заранее заданной системы. При следовании по нему ломалось и крушилось все, что под эту систему не подходило, игнорировались как запросы общества и семьи, так и индивидуальность учащегося. Это путь недоверия к педагогам, желания регулировать и контролировать все их действия. На нем рождались, в свою очередь, и отношения недоверия между педагогами и воспитанниками. Так формализм и казенщина пропитывали весь гимназический процесс.

Другой, противоположно направленный путь связан с именем министра просвещения П. С. Ванновского. Он сложился как оппозиция первому, но отличался тем, что не имел своего программного содержания, оно сводилось лишь к отрицанию первого направления. Это путь слепых уступок общественному негодование, вызванному первым направлением. На этом пути в результате бессистемных шагов и неуклюжих компромиссов утрачено было большинство педагогических ценностей. Фундаментальные курсы были заменены модными предметами. В этом случае за борт выбрасывались прежде всего слишком «тяжелые» культурные ценности, пока педагогическое судно, по образному выражению профессора Н. Н. Ланге, не превратилось в легкую лодочку [15, с. 5]. Учебный план гимназии постепенно превращался в «набор предметов и предметиков», в котором не было общей логики: то гигиена, то архитектура, то законоведение [15, с. 5]. То же наблюдалось и в воспитании: слабость и уступчивость – только бы никого не огорчать и не раздражать. А известная часть общества, как правило, и раньше, и теперь желала и желает своим детям легкой школы, забывая, что после легкой школы дети закономерно ищут и легкой жизни.

Сравнивая эти два пути, уже пройденные отечественной гимназией в своей истории, мы можем сделать вывод, что задача современной школы, как и гимназии позапрошлого века, – стать очагом культуры в обществе, возродить дух служения высшим культурным ценностям. А для этого не пригодны ни путь сурового формализма, ни путь слабОВОЛЬНОЙ распуЩенности. На их место в истории отечественной гимназии уже перед самым ее закатом выдвигался третий – собственно педагогический: путь глубокого влияния на душу воспитанника, для которого свобода есть сознательное подчинение высшим целям культуры и нравственного долга. В этом признании своей культурной задачи находится для школы и сила сопротивления понижению образовательного и воспитательного уровня.

Так, на педагогическом съезде деятелей мужских гимназий Одесского учебного округа в 1918 г. были подведены итоги работы гимназии за последние годы и сделан вывод о том, что положение в гимназиях можно исправить только путем автономной педагогической реформы, на котором необходимо педагогам самим подняться до уровня современных культурных ценностей («Врач, исцели себя сам!») и привести свои отношения с воспитанниками в согласие с идеалами культуры и нравственности. Это и есть путь автономной педагогической реформы, то есть построения школы не извне, а изнутри, «не из строгости формальных требований и не из уступчивости требованиям публики, а из собственно педагогических задач. В гимназии должны присутствовать истинно педагогическая атмосфера и дух служения высшим ценностям, только при таких условиях школа может стать цитаделью культуры в обществе» [15, с. 6].

При анализе формально-уставных отношений педагогов и учащихся очень важен вопрос их соотношения с требованиями религии. В нашей послеоктябрьской педагогической науке эта тема почти не звучала по известным причинам. Но невозможно рассматривать проблему взаимоотношений в православном обществе, игнорируя факт его православия. Мировоззрение общества XIX в. было в основном православным. Общественная мораль и нравственность определялись религией. «Каждому известно, что выше и лучше учения Христова в сфере нравственной не было и не будет» [16, с. 17]. Это писал не религиозный фанатик, а ученый педагог и публицист своего времени. Более того, ученые-материалисты воспринимались официальными кругами как нонсенс, как исключение из правил.

Неслучайно девиз просвещения и образования в России – «православие, самодержавие и народность» – начинается с «православия», так как оно считалось всеобъемлющей основой для всего остального. Такую правительственную программу в деле просвещения обосновал министр народного просвещения, заявив, что «необходимо завладеть умами юношества», которому следует привить «истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества». В советской педагогической науке данная программа оценивалась исключительно негативно: «Внедрение начал православия, самодержавия и народности в школу стало главным направлением в деятельности Министерства народного просвещения. Оно осуществлялось путем настойчивой

борьбы с «разрушительными понятиями», умножением «числа умственных плотин» на пути развития молодежи, обуздания ее порывов и стремлений к приобретению «роскошных», т.е. широких знаний» [17, с. 183]. При этом надо отметить, что у нас иногда «Православие, Самодержавие и Народность» трактуются как способствующие угнетению детей исключительно из народа, призванные к воспитанию послушных рабов Церкви, царя и государства. Но дело обстояло сложнее: ведь этими же принципами руководствовались и воспитатели детей из самых привилегированных семей, в том числе и царской [18, с. 17–18]. Это были постулаты официальной педагогики, принятой в России в XIX в. и применявшейся повсеместно. Они предписывали воспитателям строить свои отношения с воспитанниками, исходя из строго заданных целей, быть в достижении их как можно жестче. При этом почти все дети, в том числе и наиболее знатных и богатых родителей, страдали от недостатка тепла и душевности со стороны своих наставников.

На наш взгляд, эту программу необходимо рассматривать не как план сдерживания стремления молодежи к знаниям, а наоборот, как стратегию для развития этих стремлений путем укрепления нравственности. Задачи нравственного воспитания в отечественной гимназии с 60-х гг. XIX в. выдвигались на первый план и до какой-то степени перекрывали чисто образовательные. Это происходило в силу того, что гимназия, как и вся отечественная педагогика того времени, переходила от утилитарного, прагматического образования к более гуманному, общечеловеческому. К этому моменту гимназия уже достигла заметных успехов в наполнении голов своих воспитанников определенной суммой знаний.

В середине XIX века наиболее дальновидные педагоги уже и тогда подчеркивали, что образование является проявлением только формы, но не содержания, а содержанием образовательного процесса в гимназии должна быть его воспитательная сторона. Это направление в педагогике было продолжением пути, указанном Н. И. Пироговым в статье «Вопросы жизни», в которой он среди необходимых качеств молодого человека указал твердость нравственных и религиозных убеждений, способность легко понимать, правильно мыслить, точно, ясно выражаться, сочувствовать всему высокому, доброму и великому, любить свою Отчизну, быть постоянным в своих намерениях, твердым и непоколебимым в их исполнении.

До преобразования гимназии по Уставу 1864 г. воспитание в ней как бы скрывалось за обучением, оно не составляло главной цели. Новый устав потребовал от гимназии, чтобы молодые люди обладали не только необходимыми сведениями, но и были воспитаны в религиозно-нравственном духе. Это положение раскрывалось в «Правилах для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения», регламентировавших жизнь гимназии. Требование религиозно-нравственного воспитания в гимназии постоянно и неизменно выдвигалось на первое место. Помимо общих документов (Устав, циркуляры и инструкции), в каждой гимназии существовали свои собственные правила для учащихся.

Эти правила обычно строго регламентировали отношения учащихся и педагогов. Инструкция неизменно ставила ученика в полное повиновение преподавателю и наставнику. Разумеется, она обычно требовала не только послушания, но и доброго, доверительного отношения к педагогу. Например, в «Правилах для учениц Владимирской женской гимназии», в § 18, указано, что ученицы обязаны: беспрекословно повиноваться своему ближайшему начальству, преподавателям, преподавательницам, как лицам, которым вверена ближайшая забота об их образовании и воспитании. В § 19 речь идет о том, что ученицы обязаны оказывать всякое почтение своему начальству, преподавателям и преподавательницам, при входе их в класс и при выходе из класса вставать со своих мест. При встрече на улице приветствовать их вежливым поклоном. Обращаться к ним, называя по имени и отчеству. «Правилами» и «Требованиями» регламентировалось отношение учащихся к педагогам. А отношение педагогов к учащимся определялось, помимо Устава, еще и служебными инструкциями.

Во второй половине 60-х гг. воспитательные цели гимназии все более выдвигались на первый план. При министре А. В. Головнине еще преобладало мнение о преимуществе ее образовательного назначения. Так считал и сам министр, ссылаясь на то, что учащиеся большую часть времени находятся в кругу семьи или лиц, ее заменяющих, поэтому и воспитательные влияния того круга сильнее, нежели гимназии.

При подчинении министерства Д. А. Толстому стала усиливаться именно воспитательная сторона обучения. Этот процесс выражался в значительной и все возрастающей регламентации жизни гимназии. Учебной администрации приходилось постоянно обращать внимание педагогов на то, что они не только предметники, но и воспитатели. С усилением революционных настроений в стране, по мере постепенного ослабления монархического духа в населении России, усиливался политический надзор за гимназистами. Лучшие педагоги пытались смягчить его, не допускать, чтобы он принимал характер полицейского надзора, но взаимоотношения педагогов и учащихся все же нередко уподоблялись отношениям полицейских чиновников и их подопечных.

В 80-х гг. отношения в гимназии еще больше регламентировались и формализовались. Это было связано с общей политикой правительства и обстановкой в стране, вызванной убийством Александра II. Рост антиправительственных настроений в обществе сказывался и на взаимоотношениях в гимназии.

Накануне первой русской революции все чаще звучали требования реформы института классных наставников. Несмотря на недостаток материальных средств, отпускаемых на образование, Министерство народного просвещения пошло на увеличение заработной платы классных наставников, так как вопросы воспитательной работы в гимназии к началу 1905 г. обострились. П. Ф. Каптерев писал: «Нравственность школы в ее связи с обществом. Она должна воспитывать и гражданина, и человека» [13, с. 56]. Но, как видим, эта верная установка получала воплощение в формах, изменение которых не всегда ей соответствовало.

Выводы. Таким образом, формально-уставные взаимоотношения учителей и учащихся гимназии и реальная культура их взаимоотношений определялись серией правительственных документов – Уставами гимназий; локальными актами – инструкциями для учащихся гимназий и прогимназий, инструкциями для классных наставников и их помощников, инструкциями для учащихся конкретных гимназий, циркулярами попечителей учебных округов и т. п.

Взаимоотношения педагогов и учащихся гимназии XIX – начала XX в. постепенно все более регламентировались. Устав гимназии при этом оставался той основой, на фоне которой создавались все новые указы, постановления и циркуляры, более детально определявшие взаимоотношения участников учебно-воспитательного процесса гимназии.

Анализ источников (официальных педагогических документов), а также педагогической литературы описываемого периода позволяет утверждать, что религиозно-нравственное воспитание учащихся было той основной идеей, вокруг которой концентрировалась работа гимназии, а также главным принципом при организации взаимоотношений педагогов и учащихся. Основной целью педагогов гимназий было усвоение учащимися норм общества, основанного на православной морали.

Необходимо отметить, что всеми официальными документами учащийся был поставлен по отношению к учителю в положение подчиненного. Но при этом педагог обязывался быть гуманным, внимательным и терпеливым по отношению к ученику.

Список литературы

1. Образование и педагогическая мысль Крыма (XIX – начало XX столетия) : монография / Под ред. А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной. – Киев: Знання України, 2007. – 384 с.
2. Перцев В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – № 1 (январь). – С. 36–40.
3. Шелягова А. А. Патриотическая составляющая деятельности гимназий Крыма в XIX – начало XX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Том 2 (68). – № 2. – С. 75–99.
4. Зябкин В. Е. Педагогический процесс в школе. – Киев: Радянська школа, 1990. – 158 с.
5. Устав учебных заведений, подведомых университетам. – СПб., 1805. Б. т. л. и обложки. – 278 с.
6. Хлапин Г. В. Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений. Санитарно-статистические исследования. – СПб., 1906. – 197 с.
7. Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения. – СПб.: Изд-е С.-Петербургской Сенатской типограф., 1864. – 33 с.
8. Корнилов П. И. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. – СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1902. – 441 с.
9. Государственный архив г. Киева. Отчет о работе гимназии за 1870 г. – Ф. 81 – Фонд 2-й мужской Киевской гимназии /1814–1918/. – Д. 8.
10. Государственный архив г. Киева. Общая ведомость об успехах и поведении за 1867 г. – Ф. 108 – Фонд Киевской 1-й мужской гимназии /1833–1919 гг./ – Д. 24.
11. Государственный архив Одесской области. Протоколы заседаний педагогических Советов учебных заведений по вопросу об обращении к учащимся на «ты» или «Вы» (1904–1905 гг.). – Ф. 733 – Фонд Департамента народного просвещения. – Оп. 164. – Д. 897, Д. 1769–76. – Секретная и конфиденциальная переписка.

12. Каптерев П. Ф. Новые движения в области народного образования и средней школы // Каптерев П. Ф., Музыченко А. Ф. Современные педагогические течения. – М.: Польза, 1913. – С. 6–103.
13. Розанов В. В. Сумерки просвещения. – М.: Педагогика, 1990. – 621 с.
14. Приложение к трудам педагогического съезда деятелей мужских гимназий и реальных училищ Одесского учебного округа. – Одесса: Печатное слово, 1916. – 135 с.
15. Острогорский В. И., Семенов Д. Д. Русские педагогические деятели. 1. Н. И. Пирогов. 2. К. Д. Ушинский. 3. Н. А. Корф. Изд-е 3-е. – СПб., 1914. – 85 с.
16. Корнилов П. И. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. – СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1902. – 441 с.
17. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. – М.: Современник, 1991. – 270 с.
18. Центральный государственный исторический архив в г. Москве. Дело Попечительского совета Московского учебного округа (1863-1864 гг.). – Ф. 459 – Фонд попечителя Московского учебного округа. – Оп. 11. – Д. 31.

Griva O. A. Peculiarities of the Culture of the Relationship of Teachers and Gymnasists in the Domestic Gymnasium in the XIX – the Beginning of XX Centuries // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 125–135.

The article describes the characteristics of the culture of the relationship of teachers and students in the history of the national gymnasium in the XIX - early XX centuries. The author analyzes the literary and archival sources revealing the essence and character of the manifestation of the relations of subjects of the educational process on the example of the Moscow, St. Petersburg, Kiev, Kharkov, Odessa and Simferopol gymnasiums. The article focuses on the analysis of the formal-statutory aspect of the relationship between teachers and schoolchildren, and also traces the dynamics of changes in their character from the time of the First Statute of the grammar schools of 1804 to the revolutionary events of the early 20th century. The author's interest in the problem of interrelations in the pre-October gymnasium is dictated by the presence of a number of unresolved ethical issues in current general education institutions, including, such as the culture of relationships between teachers and students. The author comes to the conclusion that the Russian pre-revolutionary gymnasium was not only a "school of drill and cramming," as it often appeared in the scientific and fiction of previous periods, but also as an educational institution in which the place of humane treatment of the child was located.

Key words: culture of relationships, teacher, student, history of the national gymnasium, Ministry of National Education.

References

1. Obrazovaniye i pedagogicheskaya mysl Kryma (XIX - nachalo XX stoletiya): monografiya / Pod red. A.V. Gluzmana. L. I. Redkinoy [Education and Pedagogical Thought of Crimea]. Kiyev, Znaniya Ukrainy, 2007, 384 pages.
2. Pertsev V. V. Gimnazicheskoye obrazovaniye v dorevolyutsionnoy Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [The Gymnasium Education in the Pre-revolutionary Russia: the Second Part of XIX – the Beginning of the XX cen]. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept», 2013, № 1 (january), P. 36-40.
3. Shelyagova A. A. Patrioticheskaya sostavlyayushchaya deyatelnosti gimnaziy Kryma v XIX – nachalo XX veka [The Patriotic Part of the Crimean Gymnasiums Activity of XIX – the Beginning of the XX cen]. Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I.Vernadskogo Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya, 2016, Vol. 2 (68), no. 2, P. 75- 99.
4. Zyabkin V. E. Pedagogicheskij process v shkole [Pedagogical Process at School]. Kiev: Radyans'ka shkola, 1990, 158 s.
5. Ustav uchebnyh zavedenij, podvedomyh universitetam [The charter of the educational institutions subconducted to the universities] SPb., 1805. B.t.I. i oblozhki, 278 s.
6. Hlapin G. V. Samoubijstva, pokusheniya na samoubijstva i neschastnye sluchai sredi uchashchihsya russkih uchebnyh zavedenij. Sanitarno-statisticheskie issledovaniya [Suicides, Attempts at Suicides and

- Accidents among Pupils of the Russian Educational Institutions. Sanitary and Statistical Researches.]. SPb., 1906, 197 s.
7. Ustav gimnazij i progimnazij vedomstva Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya [1864 Charter of gymnasiums and pro-gymnasiums of department of the Ministry of National Education]. SPb.: Izd-e S.Peterburgskoj Senatskoj tipograf., 1864, 33 p.
  8. Kornilov P. I. Zadachi russkogo prosveshcheniya v ego proshlom i nastoyashchem [Tasks of the Russian Education in his Past and the Present]. SPb., Type. A. P. Lopukhina, 1902, 441 pages.
  9. Gosudarstvennyj arhiv g. Kieva. Otchet o rabote gimnazii za 1870 g. [the state archive of Kiev the Report on work of a gymnasium for 1870]. F. 81, Fund of the 2nd men's Kiev gymnasium/1814–1918/. – 8.
  10. Gosudarstvennyj arhiv g. Kieva. Obschaya vedomost' ob uspekah i povedenii za 1867 g. [The state archive of Kiev the General sheet about progress and behavior for 1867]. F. 108, Fund of the Kiev 1st men's gymnasium of/1833-1919/. – 24.
  11. Gosudarstvennyj arhiv Odesskoj oblasti. Protokoly zasedanij pedagogicheskikh Sovetov uchebnyh zavedenij po voprosu ob obrashchenii k uchashchimsya na «ty» ili «Vy» (1904–1905 gg.). [The State Archive of Odessa Region Protocols of Meetings of Faculty Meetings of Educational Institutions on the Addresses to Pupils on "you" or "you" are (1904-1905). T. 733, Fund of Department of national education]. F. 733, Fond Departamenta narodnogo prosveshcheniya, Op. 164. – D. 897, D. 1769–76. – Sekret'naya i konfidencial'naya perepiska
  12. Kaptelev P. F. Novye dvizheniya v oblasti narodnogo obrazovaniya i srednej shkoly [1913 The new movements in the field of national education and high school]. M.: Pol'za, Moscow, Advantage, 1913, P. 6-103.
  13. Rozanov V. V. Sumerki prosveshcheniya [Twilight of education]. M.: Pedagogika, 1990, 621 p.
  14. Prilozhenie k trudam pedagogicheskogo s'ezda deyatelej muzhskih gimnazij i real'nyh uchilishch Odesskogo uchebnogo okruga [An Annex to Works of a Pedagogical Congress of Figures of Men's Gymnasiums and Real Schools of the Odessa Educational District]. Odessa: Pechatnoe slovo, 1916, 135s.
  15. Ostrogorskij V. I., Semenov D. D. Russkie pedagogicheskie deyateli. [Russian Pedagogical Figures]. Izd-e 3-e., SPb., 1914, 85 s.
  16. Kornilov P. I. Zadachi russkogo prosveshcheniya v ego proshlom i nastoyashchem [Tasks of the Russian Education in his Past and the Present]. SPb.: Tip. A.P. Lopuhina, 1902, 441 s.
  17. Velikij knyaz' Aleksandr Mihajlovich. Kniga vospominanij [Grand duke Alexander Mikhaylovich. The Book of Memories]. M.: Sovremennik, 1991, 270 s.
  18. Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv v g. Moskve Delo Popechitel'skogo soveta Moskovskogo uchebnogo okruga (1863-1864 gg.) [The Central State Historical Archive in Moscow Business of the Board of Trustees of the Moscow Educational District (1863-1864)]. F. 459, Fond popechitelya Moskovskogo uchebnogo okruga. Op. 11. – D. 31.